

Рэнъя Карасума всегда отличался феноменальной осторожностью. Стоило Наникорэ задержать А-Эра на какую-то жалкую пару минут, как старик уже испарился, словно его и не было.

А-Эр двигался по улице. Вокруг ютились традиционные японские развалюхи, покрытые застарелой копотью и шрамами давнего пожара. На этом убогом фоне резко выделялся европейский особняк с аккуратным двориком, совершенно не вписывавшийся в местный пейзаж.

Особняк окружала кованая железная ограда. За ней раскинулась исполинская цветущая груша — от малейшего дуновения ветра ее белые лепестки, кружась, осыпались подобно январскому снегу.

Перед мысленным взором А-Эра промелькнул образ маленького Джина. В ту же секунду в груди родилась непоколебимая уверенность: именно здесь прошло их с Дзином детство. Сопоставив расположение, А-Эр сообразил, что на этом самом клочке земли некогда стояла и лачуга Сиро Куросавы. Видимо, прежнее убогое жилище сравнивали с землей, воздвигнув вместо него это инородное европейское здание.

Любопытство тянуло заглянуть внутрь, но поиски Рэнъя Карасумы не терпели отлагательств. А-Эру пришлось мысленно сделать зарубку на будущее и двинуться дальше, выслеживая беглеца.

В небе не гудели двигатели вертолетов, у причала покачивались нетронутые лодки. Каким бы могущественным ни мнил себя Карасума, он оставался обычным смертным из плоти и крови, лишенным сверхъестественных сил, которыми щеголяли обитатели соседних вселенных. Спасти бегством он не мог — старик определенно все еще прятался где-то на острове.

Чтобы исключить простейший вариант, А-Эр направился к родному дому Карасумы. Тот, в отличие от Сиро Куросавы, не стал перестраивать свое старое пепелище.

Сиро, возможно, уничтожил старую лачугу из-за сильных повреждений при пожаре. Но куда вероятнее, что он просто всей душой ненавидел это место и каждого его обитателя, а потому поспешил стереть даже память об их общем прошлом.

Карасума, как товарищ по несчастью, прекрасно понимал эти мотивы. И все же собственное детское пристанище он сохранил. Сильно обгоревшее здание кое-как подлатали, вернув ему подобие прежнего облика.

А-Эр бесшумно перешагнул порог. Каждый предмет, каждый угол, попадавший в поле зрения, выуживал из глубин разума обрывки старых воспоминаний. Прошлое воскресало перед глазами во всех красках. Времена, когда они с Рэнъей и Сиро могли беззаботно смеяться, ушли безвозвратно.

Быстрый осмотр комнат не выявил ничего подозрительного. Кровать, бережно укрытая

пыльным чехлом от грязи, пустовала — здесь явно никто давно не ночевал. И все же интуиция настойчиво нашептывала А-Эру, что в доме что-то не так.

Повинуясь шестому чувству, он перевернул постель и на нижней стороне деревянного каркаса наткнулся на наспех нацарапанные слова:

«Иди в святилище»

Надпись оставили совсем недавно. Обостренные чувства Кадзумы уловили едва различимый, не успевший выветриться запах чернил. Линии букв ложились неровно и косо — писавший явно сильно торопился.

Значит, на этом клочке земли, кроме него самого, Карасумы и Наникорэ, находился кто-то четвертый.

И этого кого-то Карасума, скорее всего, притащил сюда силой — иначе зачем бы бедолаге прибегать к столь конспиративным методам, чтобы оставить весточку?

Но кто это мог быть?

Проведя пальцами по шероховатым бороздкам букв, А-Эр выскочил на улицу и со всех ног помчался к местному синтоистскому святилищу.

В его голове уже сложился пазл. Ответ мог быть только один — Вермут.

Экспериментальный образец Номер 01. Женщина, которой Карасума даровал вечную молодость и в чьих жилах текла кровь самого Сидзуки Годзё.

Раньше А-Эр ломал голову над тем, каким образом Карасума планирует разорвать ткань этого иллюзорного мира.

Теперь замысел старого безумца прояснился. Камилла вновь изнывал от голода. Если Карасума использует Вермут, чье тело источает манящую ауру Сидзуки, он сможет приманить чудовище. Истинное воплощение Камиллы спустится с заоблачных высей прямо сюда, и тогда виртуальная реальность просто не выдержит его колоссального присутствия и схлопнется.

У святилища его встретила мертвая тишина. Повсюду чернели обугленные балки и груды пепла. Когда разбушевался пожар, древний деревянный храм вспыхнул как спичка, не сумев защитить ни себя, ни своих преданных прихожан.

Облупившиеся стены главного зала покрывали странные, пугающие росписи. А-Эр различил на некоторых фресках фигуры Сидзуки Годзё и окруживших его разбойников. Время не пощадило

краски, они поблекли и осыпались. Местные жители пытались подновить рисунки, но их грубые мазки лишь добавили картинам навязчивой, зловещей гротескности.

Сквозь прорехи в прохудившейся крыше внутрь падали пыльные столпы солнечного света, но они тонули в глубоком полумраке святилища. Глазами ослепшего Сидзуки Годзё А-Эр не видел абсолютно ничего. К счастью, у Кадзумы Арааки зрение было идеальным даже в кромешной тьме.

Тщательно простукивая стены и пол здания, он наткнулся на участок, отозвавшийся глухой пустотой. Недолгие поиски увенчались успехом: пальцы нащупали замаскированный рычаг. А-Эр надавил на него, и часть стены с тихим скрипом отъехала в сторону, открывая зев потайного прохода.

За дверью скрывалась крутая винтовая лестница, уходящая во тьму. На стенах через равные промежутки мерцали редкие пыльные светильники. Их тусклого, чадающего огонька хватало лишь на то, чтобы не оступиться на каменных ступенях, но пространство вокруг по-прежнему оставалось во власти теней.

На плечи навалилось невидимое, свинцовое давление, затрудняющее дыхание.

Вглядываясь в провал между ступенями, А-Эр чувствовал, что этот спуск уводит его в самое сердце бездны. Бесконечная спираль напоминала жуткий проклятый водоворот, затягивающий в свои недра.

В этой давящей, удушливой тишине удары собственного сердца отдавались в ушах А-Эра подобно грохоту барабана.

Но отступать было поздно — нужно было идти до конца.

Опасаясь внезапных ловушек или мистической чертовщины, способной разлучить его тела — прямо как в дешевых фильмах ужасов, — А-Эр заставил Сидзуку и Кадзуму крепко сцепить пальцы.

Тепло чужой ладони — пусть даже это была ладонь его собственной второй оболочки — помогло унять нарастающую в груди тревогу.

Спуск казался бесконечным, словно они пробирались на самые глубокие круги преисподней. Когда у А-Эра от монотонного кружения уже начала раскалываться голова, впереди наконец брезжил отчетливый просвет.

Шагнув к выходу, он толкнул тяжелую дверь. Вспышка яркого света заставила его болезненно сощуриться.

Когда глаза привыкли к освещению, А-Эр недоуменно огляделся. Помещение до боли напоминало гримерную или комнату отдыха персонала. Причем не абы какого, а самого настоящего мейд-кафе: на лакированном столике веером были разложены рекламные буклеты заведения, а сквозь стеклянные дверцы шкафа виднелись пышные черно-белые платья французских горничных.

В памяти А-Эра всплыл нелепый слух, который он когда-то слышал: дескать, истинное тело Камиллы сокрыто в непостижимых чертогах загробного мира, и встретиться с ним можно, лишь сойдя в царство мертвых — Мэйдо. Вот только в японском языке слово «преисподняя» звучит в точности так же, как и английское «maid» — горничная.

И какого черта подземелье древнего синтоистского храма вывело его в подсобку мейд-кафе?! Кому пришла в голову идея реализовать этот идиотский каламбур в архитектуре?! Это было ни капли не смешно.

А-Эр издал сухой смешок, качая головой, но тут же замер. За тонкой перегородкой слышались торопливые шаги и приглушенные голоса.

— Да, господин Куникида! Буквально минуту назад какой-то незнакомый мужчина выбежал из гримерной, неся на руках женщину без сознания. Мы ума не приложим, как они там очутились. В комнату ведет всего одна дверь, коридор под завязку увешан камерами наблюдения, но эти двое будто из воздуха материализовались!

— Я понял. Не паникуйте, девушки, возвращайтесь к работе. Я сам со всем разберусь.

Дверная ручка повернулась с негромким щелчком. Доппо Куникида уверенно шагнул через порог — и оцепенел. В помещении, которое его подчиненные божились объявить абсолютно пустым, преспокойно стояли двое незнакомцев.

Кадзума Арааки расплылся в дружелюбной улыбке и приподнял ладонь:

— Привет!

Сидзука вежливо склонил голову:

— Добрый день.

Куникида потерял дар речи:

—...

— Вы еще кто такие?! Откуда вы здесь взялись?!

Заметив, как Куникида в панике потянулся к карману — явно за своим фирменным блокнотом, чтобы задействовать способность, — Сидзука метнул на Кадзума выразительный взгляд. Кадзума мгновенно подобрался и шутливо отдал честь:

— Есть, шеф!

Договорить Куникиде не дали. Прежде чем он успел издать хоть звук, Кадзума ловким, отточенным движением взвалил его на плечо, точно мешок с мукой. Детектив отчаянно задержался, но все его попытки вырваться разбились о стальную хватку этого физического монстра. Когда Куникида уже собрался активировать свою эсперскую способность, Сидзука примиряюще вскинул руки, пресекая сопротивление:

— Понимаю, звучит безумно, но если мы прямо сейчас не остановим того человека, этому миру наступит конец.

Кадзума, задорно ухмыляясь, согласно закивал:

— Истинно так! Подтверждаю!

В голове Куникиды пронеслась одна-единственная паническая мысль:

«Что за бред?!»

«Какая еще гибель мира?! Эти двое сумасшедших вломились в закрытую зону мейд-кафе, а теперь несут несусветную чушь! У них вообще крыша на месте?!»

— Вдаваться в подробности некогда, — отрезал Сидзука, после чего повернулся к вжавшейся в стену испуганной официантке. — Милая, подскажи, в какую сторону побежал тот мужчина с женщиной?

Дрожащий пальчик девушки указал в сторону черного выхода. Сидзука коротко кивнул:

— Благодарю.

Они вихрем пронеслись через служебные помещения и выскочили в обеденный зал. Сидзука бежал впереди, а следом за ним мчался Кадзума с брыкающимся и сыплющим проклятиями Куникидой на плече. Посетители кафе, привлеченные грохотом тяжелых шагов, недовольно оборачивались, но при виде столь живописной тройцы мгновенно застывали с открытыми ртами. Стоило им встретиться взглядом с Кадзумой, как гипнотическое очарование его лица окончательно выбивало у бедолаг почву из-под ног, лишая способности здраво мыслить.

Вылетев на оживленный перекресток, беглецы притормозили, лихорадочно озираясь по

сторонам в нерешительности. Воспользовавшись заминкой, Куникида совершил отчаянный рывок и наконец сумел спрыгнуть на асфальт.

— Да куда ты меня тащишь, черт тебя дерит?! — задыхаясь от гнева, взревел детектив, поправляя съехавшие очки.

Кадзума картинно стукнул себя кулаком по ладони и виноградно улыбнулся:

— Ой, увлекся. Совсем про тебя позабыл!

Шутка ли: удерживать под контролем сразу две оболочки одновременно, да еще и отслеживать Карасуму, который искусно заметал следы. В этой суматохе он сгреб Куникиду просто на автопилоте.

Куникида аж поперхнулся от возмущения, но, восстановив равновесие, наконец-то смог хорошенько разглядеть своих похитителей.

Облик обоих мужчин врезался в память мгновенно. Красота Кадзумы граничила с чем-то запредельным, а второй — Сидзука, — несмотря на плотную одежду, скрывающую фигуру, приковывал к себе взгляд копной лоснящихся, как вороново крыло, черных волос. Каждое его движение сквозило врожденным аристократизмом и непостижимым величием.

Но зацепило Куникиду другое. Холодная волна осознания накрыла его с головой: эти двое по описанию точь-в-точь походили на тех таинственных личностей, которых так отчаянно жаждал найти Камилла. Об этой загадочной парочке не раз упоминали и Дадзай, и Ранпо.

С тех пор как божественная сущность обмолвилась о существовании двух дорогих его сердцу людей, все тайные организации с ног сбились в попытках разыскать их. Но поиски неизменно заходили в тупик.

И вот они стоят прямо перед ним. Посреди шумной улицы Йокогамы.

Куникида открыл было рот, чтобы задать главный вопрос, но воздух вокруг внезапно сделался невыносимо тяжелым. Небо, еще секунду назад слепившее чистой лазурью, зарябило. На лазурном куполе соткались бесконечные, стремительно бегущие строки непонятных символов.

Прохожие застыли, уставившись вверх в немом недоумении. Лишь немногие, присмотревшись к мерцающим знакам, ошарашенно пробормотали:

— Что за чертовщина?.. Это же похоже на строчки программного кода.

Но времени на удивление не осталось. Прямо в воздухе и под ногами испуганных горожан с

сухим треском начали разверзаться бездонные черные щели. Пространство расползалось по швам. Десятки людей, потеряв опору, с истошными криками полетели в бездонные провалы.

Безумие нарастало лавиной. Несчастных затягивало в кирпичные стены зданий и бетонные плиты мостовых; они бились в агонии, застревая в текстурах окружения, пока крики не переходили в хрип. Кое-кто, словно повинувшись сбоящему алгоритму, бросался с набережной в темные океанские волны и шел ко дну за считанные секунды, буквально растворяясь в воде. Другие же застывали на месте с остекленевшим взглядом, монотонно, по кругу выкрикивая одну и ту же фразу, точно сломавшиеся неигровые персонажи.

Сердце А-Эра пропустило удар. Он резко закинул голову к багровеющим небесам.

Сквозь ниспадающий плотной стеной ливень из буквенного мусора и ломаных скриптов проступили очертания чего-то исполинского. Рядом со вторым, тускнеющим солнцем вспыхнуло еще одно колоссальное золотое око. Сквозь рваные облака медленно опускался лик невиданных размеров, застывший в жуткой, благоговейной улыбке.

Божество с искренним, детским любопытством воззрилось на две свои крошечные земные проекции. В этих гигантских золотых глазах полыхало первобытное, неконтролируемое безумие вперемешку с удушающим голодом.

То был Игрок, взирающий на плоский экран монитора.

Истинное тело Камиллы прорывало границы сотворенной реальности.

<http://bllate.org/book/18335/1760526>